

Лу Чэнь очнулся от сильной головной боли.

Он открыл глаза и увидел грубый камень свода шахты. Капли воды, сочащиеся из каменной стены, сверкали в свете факела, словно мириады моргающих глаз. Он лежал на твердом щебне, затылок упирался во что-то, причиняя резкую боль.

Очнулся, очнулся! — слышался чей-то голос у него над ухом.

Лу Чэнь моргнул, зрение постепенно прояснилось. Он увидел несколько чужих лиц, склонившихся над ним, — то были его товарищи по руднику. Лицо старика Ли находилось ближе всех, его изрезанное морщинами лицо выражало полную тревогу.

Парень, ты меня напугал до смерти, — произнес старик Ли. — Ты был в рубе три дня, мы уж думали, ты померешь.

Лу Чэнь попытался заговорить, но горло словно наждачной бумагой ободрало, не удавалось издавать ни звука. Старик Ли протянул ему бурдюк с водой, он взял его и сделал пару глотков; вода оказалась теплой, с привкусом кожи.

В чем дело? — хриплым голосом спросил он.

Тебя вынесли из глубин шахты, — сказал молодой горняк, стоявший рядом. — Ты лежал там без движения, сжав в кулаке какой-то черный камень. Мы как ни старались, не смогли разжать твои пальцы.

Лу Чэнь машинально глянул на свою руку. Ладонь была пуста, ничего на ней не было. Но он чувствовал, как в ладони что-то таится — не материальный предмет, а нечто неуловимое и непонятное, словно льдинка растворилась в крови и потекла по жилам во всем теле.

А где черный камень? — спросил он.

Как только ты очнулся, он исчез, — ответил молодой горняк. — Наверное, по дороге обронил.

Лу Чэнь знал, что это не так. Он чувствовал, что тот осколок уже не в руке — он внутри тела. Он не знал, хорошо это или плохо, но понимал, что нельзя об этом рассказывать. Языки у людей на руднике распухшие, дойдет до чужих ушей — и проблем не оберешься.

Наверное, от падения в голове помутилось, вот и не помню ничего, — опершись на руки, он приподнялся, в затылке еще тупо ныло.

Старик Ли помог ему отряхнуть пыль с одежды:

Пошли, возвращайся в барак отдыхать. Десятник сказал, что у тебя это считается производственной травмой, три дня отдыха оплачиваются.

Лу Чэнь поднялся на ноги, сделал пару шагов и понял, что что-то не так. Нога больше не болела.

Раньше он как-то упал в шахте, и у него постоянно ныло правое колено, а в дождливую погоду боль становилась еще сильнее. Но теперь нога казалась легкой, словно новенькая, и при каждом шаге колено даже не хрустело.

Еще он заметил, что его глаза стали другими.

Освещение в шахте было тусклым, в каменные стены воткнули всего несколько факелов, и желтоватый свет не добивал далеко. Раньше, идя по рудничному тоннелю, ему вечно приходилось опускать голову и смотреть под ноги, боясь наступить на обломки камней или угодить в выбоину. Но теперь он отчетливо видел стены по обе стороны тоннеля, каждую трещинку на них, каждую обнажившуюся жилу руды и даже ржавый стык рельсов за поворотом в пятидесяти шагах отсюда.

Он не подал виду и молча поплелся за товарищами.

Спустя три дня он вернулся на рудник.

Десятник окинул его взглядом с ног до головы и бросил:

Выглядишь бодрым. Спускайся вниз, сегодня работа на шестом штреке, порода твердая, будь осторожен.

Лу Чэнь пошел вниз, прихватив шахтерскую лампу. Круг света от нее раскачивался в узком тоннеле; раньше ему приходилось полагаться на этот свет, чтобы разбирать дорогу, но теперь лампа в его руке служила скорее украшением — он мог бы с закрытым глазом назвать точное положение каждого камня в штреке.

Когда он занес кайлу, чтобы долбить породу, от первого же удара клюв инструмента застрял в камне.

Не потому, что камень оказался слишком твердым — просто у него была слишком мощная сила. Раньше ему требовалось ударить раз семь-восемь, чтобы расколоть большой валун, а теперь он разнес его надвое одним ударом. Старик Ли, трудившийся неподалеку, испуганно вздрогнул:

Ты чего такого объелся, парень? Силенок стало как у быка.

Лу Чэнь с улыбкой отозвался:

Наверное, за три дня отдыха накопилось.

Однако с наступлением ночи он понял, что все не так просто.

Он лежал на деревянных мостках в бараке, ворочался с боку на бок и не мог уснуть. Дело было не в том, что не хотелось спать — в теле что-то бунтовало. Сердце билось намного чаще обычного, кровь прилиwała к голове, в висках отдавалось глухими ударами. Во рту пересохло, горло жгло, словно огнем.

Ему хотелось пить. Нет, не воды.

Ему хотелось чего-то совсем другого.

Когда эта мысль промелькнула в голове, он сам испугался. Он резко сел, схватил стоявший у изголовья глиняный кувшин и сделал несколько жадных глотков холодной воды; ледяная жидкость полилась по горлу, ненадолго притупив это жгучее беспокойство. Но прошло совсем немного времени, и жажда вернулась вновь.

Он зажмурился, заставляя себя думать о другом. О завтрашней работе, о протекающей крыше барака, о той истории, которую рассказывал старик Ли, — в молодости старик тоже мечтал посмотреть на мир за пределами здешних мест, да так и не смог.

В подобных мыслях незаметно рассвело.

На следующий день за работой Лу Чэнь исподтишка испытал свою силу. Он в одиночку перетащил из глубин штрека к выходу кусок руды весом больше двух сотен цзиней, даже не запыхавшись и не покраснев. Раньше камень, который с трудом поднимали вдвоем, теперь он унес в одиночку.

Его охватил страх.

Он боялся не своей невероятной силы, а того, что превратится в монстра. Жители городка поговаривали, что укушенные Кланом Крови превращаются в упырей-слуг, которые беспрекословно подчиняются укусившим их существам, жаждут крови и в итоге теряют человеческий облик, превращаясь в не пойми что. Он не знал, кусал ли его кто-нибудь вообще — он совершенно не помнил, чтобы его кто-то атаковал в глубинах шахты. Он помнил лишь то, как добыл какой-то осколок в недрах рудника, а дальше наступила темнота.

Он не смел никому об этом рассказать.

Время от времени Охотники на демонов наведывались с проверкой в каждый городок и кололи людей серебряными иглами, высматривая, у кого появится реакция на серебро. Уколотые орали во весь голос от боли, но этим охотникам было всё равно. Они заявляли, что так выявляют зараженных Кланом Крови людей.

На деле же большинство тех, кого они уличали, были абсолютно невиновны.

Старик Ли как-то рассказывал ему историю. Несколько лет назад в соседнем селении жил кузнец; из-за давнего шрама на пальце он инстинктивно отдернул руку от боли, когда в нее вонзилась серебряная игла, и охотники решили, что с ним что-то не так. Кузнеца упрятали в клетку и мучили три дня и три ночи, пока он во всем не признался, после чего ему отрубили голову. Спустя полгода Охотники на демонов объявили, что ошиблись и тот кузнец ни в чем не был виноват. Но голова уже покатилась с плеч, и сколько ни говори потом — толку ноль.

Вот поэтому, — говорил старик Ли, — заведя людей в черных плащах, держись от них подальше.

Лу Чэнь запечатлел эти слова в памяти.

По ночам он начал втайне испытывать собственное тело. Он сделал камнем неглубокий порез на руке: выступила кровь, но рана затянулась моментально, куда быстрее, чем раньше. Он попробовал всматриваться в темноту — с каждой попыткой зрение становилось все острее, и в конце концов он смог пересчитать даже муравьев, ползавших по стене.

Он попытался различать запахи в бараке: едкий табачный дым старика Ли, запах потного тела молодого горняка, аромат пригоревшей каши с плиты, смолистый дух соснового леса вдали — все они ощущались отчетливо.

Он попытался вслушиваться в звуки издалека. Десятник разговаривал с кем-то у входа в шахту, обсуждая то, что подпорные балки на шестом штреке уже пора менять. Кто-то в соседнем бараке храпел, потом храп внезапно оборвался, человек воротился на другой бок и захрапел снова.

Эти способности заставляли его чувствовать, что он больше не обычный человек.

Но ночная жажда свежей крови нашептывала ему, что он превращается в чудовище.

Он раскрыл ладонь и при лунном свете окинул ее взглядом. На ладони ничего не было, но он ощущал, что тот осколок все еще там, затаившись словно семечко под кожей. Он надавил большим пальцем — боли не было, но прощупывалась твердая крошечная точка.

Кем ты в конце концов хочешь меня сделать? — тихо спросил он.

Никто не ответил.

Лишь волчий вой доносился издалека из леса — один за другим, словно повторяя его вопрос.

Старик Ли заворочался за его спиной:

Лу Чэнь, ты еще не спишь?

Сплю, — он закрыл глаза.

Уснуть не получалось. Он лежал с открытыми глазами, слушая завывания ветра снаружи и раздумывая, не пора ли ему покинуть эти места. Охотники на демонов рано или поздно заявятся, его сущность непременно раскроется, и тогда он не только погубит себя, но и навлечет беду на старика Ли.

Но куда ему податься?

Он с детства жил в этом городке и никуда отсюда не выбирался. О том, каков мир за его пределами, он знал лишь по обрывочным рассказам старика Ли.

Он повернулся набок лицом к стене. В стене виднелась трещина, сквозь которую пробивался лунный свет, рисуя на полу тонкую белую нить.

Он смотрел на эту белую полоску, пока небо на горизонте не посветлело.

<http://bllate.org/book/22378/2347695>